

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

РАЗВОД С АЛЬФОЙ

ОТВЕРГНУТАЯ ИСТИННАЯ

Лилия Тимолаева

**Развод с альфой.
Отвергнутая истинная**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Развод с альфой. Отвергнутая истинная / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

Он отверг её при полной луне. Публично. Холодно. Без права на оправдание. Лира была его истинной — той, кого выбирает сама кровь. Но Кайден, альфа Долины Туманов, выбрал власть вместо неё. Он думал, что избавился от слабости. Она — что потеряла всё. Но в ту же ночь Лира узнала правду, которая изменит не только её судьбу... но и весь порядок стай. Теперь она — не жертва. Не отвергнутая. Она — наследие древней силы, которую боялись и пытались уничтожить. Женщина, способная подчинить саму луну. И тот, кто однажды сломал её жизнь... ещё пожалеет, что отпустил. Потому что теперь она не возвращается. К ней возвращаются.

Содержание

Глава 1. Развод при полной луне	5
Глава 2. Изгнанная	15
Глава 3. Новая Луна, новые правила	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. Развод при полной луне

Ли́ра поняла, что что-то пошло не так, ещё до того, как Кайден вошёл в круг.

Не потому, что кто-то что-то сказал. Наоборот — в главном зале было слишком шумно, слишком торжественно, слишком ярко от огня в каменных чашах, слишком густо от запахов хвои, горячего воска, мяса, вина и волчьего нетерпения. Над помостом, на котором альфа должен был назвать свою пару перед полной луной, горели серебряные лампы. Старейшины стояли полукругом у священного камня. Музыка всё ещё играла — низко, глухо, как удары сердца под землёй. Стая ждала. Стая хотела зрелища.

Но её волчица уже прижалась внутри, оцетинилась и тихо, яростно зарычала.

Ли́ра стиснула пальцы на складках тёмно-синего платья. Шёлк под ладонями был слишком гладким, слишком холодным. Она сама выбрала его — без вышивки, без камней, без нарочитой роскоши. Кайден однажды сказал ей, что на ней нет нужды в украшениях. Что всё лишнее отвлекает от глаз.

“У тебя опасные глаза, Ли́ра. Такие не прячут.”

Она не должна была вспоминать это сейчас.

Сегодня он должен был назвать её.

Не как любовницу, не как женщину, которую подпускают к себе ночью и от которой отворачиваются днём. Не как слабость, которую терпят, потому что она давно вошла под кожу. Сегодня он должен был признать то, что и так чувствовали все, кто хоть раз оказывался рядом с ними: метка истинной связи существовала. Пусть неполная, пусть не объявленная вслух, но её невозможно было скрыть. Она отзывалась в крови, в запахе, в напряжении воздуха между ними.

Полная луна всегда усиливала связь. А сегодня, в ночь Осеннего Круга, когда стая собиралась под сводами Дома альфы, чтобы закрепить новый союз, скрывать было уже нечего.

И всё же тревога ползла по позвоночнику, как ледяная вода.

— Ты бледная, — прошептала Мара, встав рядом и поправляя на её плече прядь волос. — Дыши.

Ли́ра с трудом перевела взгляд на двоюродную сестру. Мара была единственной, кто осмелился сегодня к ней подойти не из любопытства, а по праву крови. В её глазах мелькало то же беспокойство, которое Ли́ра чувствовала всем телом.

— Это из-за луны, — солгала Ли́ра.

Мара не поверила. Её ноздри едва заметно дрогнули.

— Нет. Это из-за него.

Из-за него.

Этого имени даже не нужно было произносить. Оно уже пульсировало в висках. В груди. Под кожей, словно чей-то невидимый коготь медленно вел по ребрам изнутри.

Ли́ра вскинула подбородок.

— Сегодня всё закончится.

Мара посмотрела на неё слишком долго. Так смотрят на тех, кого хотят удержать на краю, но уже понимают, что не успеют.

— Да, — тихо сказала она. — Только не так, как ты думаешь.

Ли́ра резко повернулась к ней, но в этот миг музыка оборвалась.

Гул голосов схлынул мгновенно, будто кто-то накрыл зал тяжёлой ладонью. Воздух стал плотным, как перед бурей. Все головы разом повернулись к широким дверям.

Кайден вошёл не один.

Он шёл медленно, не торопясь, и именно эта неторопливость ударила Лиру сильнее всего. Альфа не был удивлён, не сомневался, не колебался. Он выглядел так, будто уже сделал всё, что собирался, и теперь просто позволял стае увидеть результат.

Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире с серебряными застёжками клана, он нёс на себе ту самую тяжесть власти, которую никто не учит носить — её либо вбирают с молоком матери, либо ломаются под ней. Тёмные волосы были зачесаны назад, обнажая резкие скулы и жёсткую линию рта. На виске поблёскивал знак альфы, впитавший лунный свет. Его шаги отдавались в камне так уверенно, будто сам Дом признавал его хозяином.

И рядом с ним шла женщина.

Не девушка. Не случайная спутница. Женщина, знавшая цену своему месту у мужского локтя.

Высокая, в платье цвета тёмного вина, с тяжёлым каскадом светлых волос и тонким, хищным лицом. На её горле сверкало ожерелье клана Северного Хребта — старейшего из соседних, богатого, беспощадного и всегда готового торговаться чужой кровью. Дочь альфы Ровара. Вэллина.

Лира узнала её сразу и всё равно на миг перестала дышать.

Нет.

Нет.

Её волчица ударилась о рёбра с такой силой, что перед глазами вспыхнуло белым.

Кайден не мог.

Он не посмел бы вывести Вэллину к священному камню.

Не в эту ночь.

Не перед всей стаей.

Не после всего, что было между ними.

Он скользнул взглядом по залу, по старейшинам, по воинам у колонн, по женщинам у дальних столов. И только потом — по ней.

Лира знала его слишком хорошо. Знала, как темнеют его глаза, когда он зол. Как у него чуть сжимается челюсть, когда он старается не выдать чувство. Как в уголке рта появляется едва заметное движение, когда он собирается ударить словом сильнее, чем когтями.

Сейчас у него не дрогнуло ничего.

И это было хуже всего.

Она почувствовала, как к горлу подступает тошнотворный жар. Не страх. Не ещё. Что-то гуще, горше — медленное осознание, которое тело принимает раньше, чем разум.

Вэллина, не скрываясь, улыбнулась залу. Потом склонила голову перед старейшинами. Её запястье нарочито легко легло на сгиб руки Кайдена.

Точно заявка на чужое место.

По залу пошёл шорох. Едва уловимый. Опасный. Волчий. Стая чуяла кровь ещё до того, как та пролилась.

Лира сделала шаг вперёд прежде, чем поняла это сама.

— Кайден.

Её голос не дрогнул.

Он должен был ответить ей. Пусть коротко. Пусть холодно. Хоть как-нибудь. Но он только перевёл на неё взгляд — ровный, тяжёлый, непроницаемый — и от этого спокойствия воздух в груди стал ледяным.

— Альфа, — произнёс старший из старейшин, седой Арден, опираясь на посох из чёрного ясеня. — Стая ждёт.

Кайден отпустил локоть Вэллины и поднялся на помост.

Лира чувствовала на себе чужие взгляды. Сотни. Слишком много. Одни — любопытные. Другие — сочувственные, но трусливые. Третьи — уже сытые её будущим падением. В любом

волчьем доме слабость была едой. А сегодня она стояла посреди зала в платье, которое выбирала как будущая хозяйка дома альфы.

Она не могла дать им увидеть, как у неё дрожат колени.

Кайден остановился у священного камня. Лунный свет из прорези в крыше лёг на его плечи и сделал лицо ещё жёстче. Вэллина встала на шаг ниже, но достаточно близко, чтобы никто не усомнился в её роли.

— Сегодня, — начал он, и его голос разошёлся по залу густой, низкой волной, — мы собираемся не только под полной луной. Мы собираемся на пороге перемен.

Ли́ра впи́лась ногтями в ладони.

Не так.

Он должен был назвать её имя почти сразу. Таков был обычай. Сначала признание пары, потом — остальное. Так делали все альфы.

Кайден смотрел поверх голов, на стаю, а у неё было ощущение, будто он режет именно её.

— Северный Хребет и Долина Туманов слишком долго держались на вежливой дистанции, — продолжил он. — Пора закончить старые игры. Пора закрепить союз, который даст нашей стае силу, земли и безопасность.

Шум в зале стал гуще. Настороженнее.

Сердце Ли́ры пропустило удар.

Нет.

Нет, нет, нет.

Его запах дошёл до неё сквозь дым факелов и человеческий страх — горький, хвойный, резкий, до боли знакомый. Запах её истинного. Он был рядом, он был здесь, он был связан с ней невидимой жилой, и от этого всё происходящее казалось не просто жестоким, а противоестественным. Волчица внутри металась, не понимая, почему тот, к кому их тянуло самой природой, стоит с другой.

— Во имя будущего стаи, — произнёс Кайден, — я принимаю союз с кланом Северного Хребта.

Вэллина сделала шаг вперёд.

По залу прокатился уже не шорох — глухой удар общего вдоха.

Ли́ра стояла неподвижно.

Наверное, если бы в этот миг её пронзили копьём, это было бы проще. Боль была бы прямой, честной, телесной. А это... это было как если бы кто-то медленно вырвал из неё хребет, а она всё ещё оставалась на ногах и должна была не упасть.

Кайден поднял руку.

— Дочь альфы Ровара, Вэллина, станет моей избранницей и связующим звеном между нашими землями.

Тишина стала звенящей.

Ли́ра услышала, как кто-то тихо ахнул. Кто-то, наоборот, сдержанно усмехнулся. Кто-то зашептался, уже не стесняясь.

Её не назвали.

Её не просто не выбрали.

Её стёрли.

На языке появился металлический привкус. Она поняла, что прокусила щёку.

Мара схватила её за локоть.

— Ли́ра...

Она выдернула руку.

Не смей.

Не сейчас.

Ли́ра подняла голову и встрети́лась взглядом с Кайде́ном. Если он хотел, чтобы она опустила глаза, он не знал её вовсе.

— Это шутка? — спросила она.

Голос прозвучал слишком ясно. Разнёсся по залу. Резко, как удар хлыста.

Стая обернулась к ней вся разом.

Даже старейшины замерли.

Тёмные глаза Кайдена вспыхнули — едва заметно, слишком быстро, чтобы кто-то, кроме неё, успел уловить. Но она увидела. Он не ждал, что она заговорит. Тем более — так.

— Ли́ра, — произнёс он, и её имя в его голосе стало холоднее зимней воды. — Не унижай себя.

Вот тогда боль действительно пришла.

Не от того, что он выбрал другую. Не даже от того, что сделал это публично.

А от этой фразы.

Не унижай себя.

Как будто всё, что было между ними — ночи, когда он искал её даже в ярости; его ладонь на её затылке; его хриплое “моя” в темноте, которое он ни разу не повторил на свету; его тело, знавшее её лучше, чем собственную тень, — всё это было её выдумкой. Её глупостью. Её унижением.

Ли́ра медленно шагнула вперёд.

— Себя? — переспросила она. — Или тебя?

Молчание в зале стало острым. Хищным.

Кайден спустился с помоста на одну ступень. Теперь между ними было меньше расстояния, но от этого не стало легче дышать. Наоборот — его запах, его сила, его присутствие обрушились на неё всей тяжестью истинной связи. Волчица внутри заскулила, рванулась к нему — и тут же захлебнулась яростью Ли́ры.

— Ты забыла своё место, — тихо сказал он.

Только она одна слышала, что за этой тихостью натянуты нервы, как струны.

Ли́ра горько улыбнулась.

— Нет. Я просто наконец его увидела.

По рядам прошёл ропот.

Вэлли́на приблизилась, мягко, плавно, как змея, уверенная, что яд уже подействовал.

— Ей больно, — произнесла она с почти безупречным сочувствием, глядя не на Ли́ру, а на Кайдена. — Не стоит давать волю обиде перед стайей.

Ли́ра перевела на неё взгляд.

— Закрой рот, пока я позволяю тебе стоять рядом.

Вэлли́на приподняла бровь. В её улыбке мелькнуло довольство. Именно этого она и хотела — чтобы Ли́ра сорвалась, показала слабость, выставила себя той, которую легко оттолкнуть в сторону.

Но Ли́ра уже взяла себя в руки. Почти.

— Я не понимаю, — сказала она и снова посмотрела на Кайдена. — Нет, понимаю. Я просто хочу, чтобы ты произнёс это вслух. Перед стайей. Перед луной. Передо мной. Чтобы все услышали. Чтобы потом никто не посмел назвать тебя трусом.

Он замер.

Это была опасная грань. Ли́ра знала, как опасно подводить Кайдена к ней. Но отступить было поздно. Если он решил растоптать её, пусть хотя бы сделает это, глядя ей в лицо.

— Скажи, — потребовала она. — Скажи, что я для тебя ничего не значу. Скажи, что той связи, которую все чувствуют, не существует. Скажи, что ты никогда не называл меня своей.

У кого-то вырвался шумный вдох.

Арден тяжело ударил посохом в камень.

— Довольно.

— Нет, — отрезала Лира, не отрывая взгляда от Кайдена. — Недовольно.

Кайден медленно спустился с последней ступени и оказался прямо перед ней. Он был так близко, что она видела едва заметную пульсацию жилки у него на шее. Так близко, что тело тут же предало её — узнало, потянулось, несмотря на всё. Истинная связь была *crueler than any blade* — она не спрашивала, достоин ли человек этой тяги.

Он наклонился чуть ближе, и на краткий миг Лира решила, что он сейчас скажет что-то только для неё. Что-то настоящее. Что-то, что объяснит это безумие.

Но Кайден выпрямился и сказал для всех:

— Ты была ошибкой, которую я слишком долго терпел.

Зал зашевелился, будто сквозь толпу пробежала дрожь.

Лира не почувствовала, как впилась ногтями себе в ладони до крови.

Ошибкой.

Слишком долго терпел.

Ей казалось, сейчас рухнет крыша. Камень под ногами. Небо. Что угодно. Мир не мог остаться стоять после таких слов.

— Лжёшь, — очень тихо сказала она.

Он услышал. Конечно, услышал.

Его глаза потемнели.

— Ты слышала меня.

— Я слышала, как альфа испугался собственной слабости.

И в этот миг она увидела это — короткое, почти незаметное движение его руки, будто он хотел схватить её за запястье, прижать к себе, заставить замолчать не словами, а властью тела. Инстинкт. Чистый. Звериный. Настоящий.

Он тут же подавил его.

Но Лира увидела.

И этого оказалось достаточно, чтобы понять: он причинял ей эту боль не потому, что ничего не чувствовал. А именно потому, что чувствовал слишком много.

Почему — она не знала.

От этого было только хуже.

Вэллина поднялась на помост и встала рядом с Арденом, словно уже хозяйка дома.

— Альфа сделал выбор, — мягко сказала она. — Те, кто уважает стаю, примут его с достоинством.

Лира резко повернула к ней голову.

— Достоинство? Ты пришла за чужим местом и говоришь мне о достоинстве?

— Я пришла за тем, что полезно стае, — ответила Вэллина. — А ты... слишком долго жила в иллюзиях.

По рядам пронёсся тихий смешок. Чей-то. Один. Но Лира услышала его так ясно, будто ей шепнули в ухо.

Вот оно.

Падение.

Не после официального отказа. Не после слов Кайдена. А после первого чужого смешка, который дал остальным право тоже смотреть на неё иначе. Уже не как на женщину альфы. Не как на будущую луну дома. А как на выброшенное.

Она обвела взглядом зал.

Некоторые опустили глаза. Некоторые, напротив, смотрели в открытую. Молодые волчицы — с жадным любопытством. Старшие — с осторожной жалостью. Мужчины — оценивающе, слишком свободно. Стая всегда чувствует, когда женщина теряет защиту альфы.

И тогда звери начинают подходить ближе.

Ли́ра почувствовала это на собственной коже.

Унижение было почти физическим. Как будто платье вдруг стало прозрачным. Как будто все видели не ткань, не её лицо, не прямую спину — а рану. Открытую, горячую, пахнущую кровью.

Кайден тоже это почувствовал.

Его верхняя губа едва заметно дёрнулась, в глазах мелькнуло что-то опасное. Волк внутри него не хотел, чтобы на неё так смотрели. Даже сейчас. Даже после сказанного.

Но он сам дал им это право.

— С этого дня, — произнёс Арден, поднимая голос, — союз с Северным Хребтом считается утверждённым перед луной и стаей.

— Нет, — сказала Ли́ра.

Все снова уставились на неё.

Её сердце колотилось так, что мир шёл рябью. Внутри волчица уже не скулила — она скребла изнутри, бесновалась, не понимая, почему их рвут пополам. По рукам Ли́ры пробежала дрожь. Она сделала ещё шаг и остановилась прямо перед Кайденом.

— Не смей делать это так, будто меня здесь не существует.

— Ты переходишь границу, — произнёс он.

— А ты её сжёг.

Она запрокинула голову, чтобы смотреть ему в лицо. Так близко. Слишком близко. Она видела усталость, спрятанную под жестокостью. Видела тень бессонных ночей. Видела ярость, направленную не только на неё.

Но он всё равно стоял перед стаей и отрекался от неё.

— Ответь мне только на один вопрос, Кайден, — сказала она хрипло. — Когда ты брал меня в свою постель, когда прижимал к себе так, будто без моего запаха не можешь дышать, когда метил меня своим телом и взглядом... ты уже тогда знал, что выведешь к луне другую?

Зал вздрогнул.

Это было слишком интимно. Слишком откровенно. Слишком правдиво.

Кайден побледнел едва заметно. Вэллина сжала губы.

— Замолчи, — процедил он.

— Нет.

Её уже несло, но это было не истерикой. Скорее, последним отчаянным усилием забрать у него хотя бы ложь. Если он хотел её уничтожить — пусть без маски.

— Скажи им, — прошептала Ли́ра, и в этом шёпоте было больше ярости, чем в крике.

— Скажи им, сколько ночей ты приходил ко мне сам. Скажи, как твой волк рвался ко мне. Скажи, как ты сам сделал меня своей, а теперь называешь ошибкой.

В следующую секунду Кайден схватил её за руку.

Не сильно. Не так, чтобы причинить боль.

Но весь зал увидел этот жест.

Его пальцы сомкнулись на её запястье, и по телу Ли́ры тут же пробежал жгучий импульс — узнавание, отклик, беспощадная радость тела, которому было всё равно, что душа сейчас умирает.

Он тоже это почувствовал.

По его лицу на миг прошла тень. Почти мука.

И всё равно он отпустил её так резко, будто обжёгся.

— Уведите её, — бросил он.

Эти два слова ударили сильнее пощёчины.

Не “Ли́ра, уйди”.

Не “я поговорю с тобой позже”.

Не “оставьте нас”.

Уведите её.

Как неудобную вещь. Как помеху. Как женщину, уже не имеющую права стоять в его доме.

Двое стражей у колонн двинулись с места.

Мара выступила вперёд.

— Никто её не тронет.

Один из стражей замешкался. Другой посмотрел на Кайдена.

Лира не сводила глаз с альфы.

— Ты хочешь, чтобы меня вывели? — спросила она тихо. — После того как ты сам привёл меня сюда как будущую пару?

Его лицо стало каменным.

— Я ничего тебе не обещал.

Лира замерла.

Это было так подло, что на миг даже боль отступила, уступая место холодной, пустой тишине внутри.

Потому что это было правдой. В самой мерзкой, самой выгодной для него форме.

Он действительно ни разу не произнёс обещания вслух.

Не назвал её перед стаей. Не дал ей официального статуса. Не закрепил метку перед луной.

Он просто брал всё, что хотел, и оставлял её жить внутри недосказанности, пока это было удобно.

И она позволяла.

Потому что любила.

Потому что верила его рукам больше, чем молчанию.

Потому что, когда он смотрел на неё в темноте, ей казалось — слова уже не нужны.

Какая же она была дура.

Улыбка Леры вышла странной. Почти спокойной. И от этого Мара побледнела.

— Конечно, — сказала Лира. — Ты ведь не из тех, кто обещает. Ты из тех, кто берёт.

Кайден резко втянул воздух. Её слова задели его. Но уже было поздно. Поздно для боли, поздно для правды, поздно для них.

Один из стражей всё же подошёл ближе.

— Госпожа...

— Не смей меня так называть, если через минуту вы выбросите меня за дверь, — отрезала Лира.

Страж отступил.

Вэллина улыбнулась — не широко, только уголком губ. Этого было достаточно, чтобы Лира захотела вцепиться ей в лицо. Но она не подарит им этого. Не сегодня. Не на глазах у стаи.

Не позволив никому к себе прикоснуться, Лира сама поднялась по ступеням на помост.

Арден ахнул. Кто-то внизу рыкнул предупреждающе. Кайден шагнул к ней, но она уже стояла у священного камня. Лунный свет лёг ей на волосы и лицо. Она подняла подбородок и обвела взглядом всех.

— Слушайте меня, — сказала она.

И странно — её послушали. Даже шум стих.

— Сегодня вы видите не просто союз, — продолжила Лира. — Вы видите цену власти. Альфа Долины Туманов выбирает не ту, к кому его тянет сама луна, а ту, что принесёт ему земли и выгоду. Это его право. Его сила. Его расчёт.

Она перевела взгляд на Кайдена.

— Но пусть каждый из вас запомнит этот вечер. Когда придёт расплата, не говорите, что луна вас не предупреждала.

Арден ударил посохом.

— Это угроза?

— Это память, — ответила Лира.

Кайдена поднялся на помост одним плавным, хищным движением. Теперь он снова был рядом. Слишком близко. Его ярость была почти осязаемой — тёмной, тяжёлой, гудящей в воздухе.

— Хватит, — сказал он низко.

— Это единственное, в чём мы с тобой сегодня согласны, — прошептала она.

На миг показалось, что он сейчас сломается. Что схватит её, утащит прочь, не допустит этого конца. Его пальцы дрогнули. В глазах мелькнуло нечто дикое, почти отчаянное.

Но Вэллина подошла ближе.

И всё закончилось.

Кайдена отступил на полшага.

Этого полшага Лира не простит ему никогда.

— Лира из боковой ветви дома Иара, — официально произнёс Арден. — По воле альфы ты более не имеешь места у его стола и очага.

Слова старейшины легли на неё, как цепи.

— До рассвета ты покинешь Дом альфы.

Ропот пошёл по залу. Кто-то шепнул что-то соседу. Кто-то отвёл глаза. Кто-то, наоборот, смотрел с голодным интересом.

Лира перевела взгляд на Кайдена.

Он не остановил Ардена.

Не возразил.

Не сказал: “Довольно”.

Ничего.

Его лицо было высечено из тьмы и камня.

Вот и всё.

Дом, в котором она жила. Комнаты, где знала каждый скрип доски. Терраса, на которой он когда-то целовал её на рассвете. Коридор, по которому она шла босиком к его двери, уверенная, что однажды он перестанет скрывать её в тени. Всё это больше ей не принадлежало.

Если вообще когда-то принадлежало.

Мара шагнула к ней, но Лира остановила её взглядом.

Нет.

Не смей видеть, как я падаю.

Она спустилась с помоста сама. Медленно. Ровно. Каждый шаг давался так, будто ноги налились свинцом, но спина оставалась прямой. Стая расступалась перед ней. Уже не почти-тельно. Настороженно. Как перед раненой волчицей, которая всё ещё может вцепиться в горло.

У самых дверей кто-то прошептал:

— Жалкое зрелище.

Лира не поняла, кто это сказал. И не стала искать. Если обернётся — сорвётся. А ей нужно было дойти. Просто дойти до двери.

Она уже коснулась холодного железа ручки, когда за спиной раздался голос Кайдена.

— Лира.

Она застыла.

Всё тело откликнулось прежде разума. Сердце рванулось вверх, будто ещё можно было надеяться. Будто он всё-таки остановит её. Назовёт по имени не для удара, а для правды. Скажет, что это был расчёт, ловушка, необходимость — что угодно, лишь бы не то, что произошло на глазах у всех.

Она медленно обернулась.

Весь зал ждал.

Кайден смотрел на неё с помоста. Его лицо было непроницаемым.

— Не возвращайся без зова.

Надежда умерла тихо.

Без крика. Без слёз.

Просто что-то внутри неё перестало биться.

Лира кивнула.

Один раз.

И вышла.

Холод ночи ударил сразу. После жара зала воздух снаружи показался почти лезвием. Полная луна висела низко над соснами — огромная, белая, беспощадная. Во дворе пахло мокрым камнем, снегом в горах и дымом дальних костров. Из окон всё ещё лился свет. Там продолжался праздник. Там продолжали пить за союз. За власть. За женщину, которая заняла её место.

Лира спустилась по ступеням, едва чувствуя ноги.

Только когда двери Дома альфы закрылись за её спиной и шум изнутри стал глуше, она позволила себе вдохнуть по-настоящему.

И тут же согнулась пополам.

Боль накрыла внезапно. Не та, прежняя, душевная. Телесная. Острая, рванувшая низ живота, прокатившаяся спазмом по пояснице. Лира вцепилась в перила. Перед глазами поплыло.

— Нет... — выдохнула она, не понимая, к чему это.

Волчица внутри металась, не находя места. Истинная связь горела так, словно её пытались не разорвать — выжечь. Лира почувствовала чужое присутствие даже на расстоянии. Кайден всё ещё был в доме. Она ощущала его, как рану ощущают на смену погоды: глухо, мучительно, неотвратимо.

По щекам наконец потекли слёзы. Горячие. Злые. Она вытерла их тыльной стороной ладони, словно этим жестом могла отменить всё, что случилось.

— Соберись, — прошептала себе. — Соберись, Лира.

Но тело её уже не слушалось.

Она сошла с последних ступеней и почти вслепую направилась к старому саду за западным крылом, туда, где редко кто ходил ночью. Подальше от окон. Подальше от слухов. Подальше от тех, кто ещё минуту назад смотрел, как её ломают.

Ветки чернели на фоне луны. Тени между деревьями были густыми, как чернила. Здесь пахло сырой землёй, яблоневого корой и ледяной водой из каменного источника. Лира дошла до скамьи у старой стены, но не села — оперлась о камень ладонями и закрыла глаза.

Дышать.

Нужно было просто дышать.

Внутри всё ещё пульсировала боль. Но теперь к ней примешивалось что-то ещё. Странное. Непонятное.

Слишком частый стук крови в ушах.

Слишком яркий запах мира вокруг.

Слишком сильная, почти болезненная чувствительность под кожей.

Лира медленно положила ладонь на живот.

Там снова толкнуло.

Нет. Не толчок. Не движение. Ещё слишком рано для подобного, если только... если только...

Её дыхание оборвалось.

Нет.

Это невозможно.

Она отступила от стены, качнулась, потом снова прижала ладонь к низу живота. Закрыла глаза. Постаралась услышать себя сквозь шум собственной крови, сквозь боль, сквозь остатки унижения, ещё горевшего в горле.

И слышала.

Сначала — собственное сердце. Загнанное, тяжёлое.

Потом...

Второй ритм.

Тихий. Невероятно слабый. Почти призрачный.

Но не её.

Лира замерла.

Мир вокруг стал неподвижным.

Даже ветер, казалось, стих в ветвях.

Второй пульс.

Её колени подогнулись, и она всё же села на холодную скамью, не чувствуя камня под собой. Ладонь всё ещё лежала на животе. Пальцы дрожали. Мысли разбегались, как испуганные звери.

Нет. Нет, этого не могло быть.

И всё же волчица внутри вдруг замолчала.

Не успокоилась — насторожилась иначе. Не как раненый зверь. Как защитница.

Лира втянула воздух и задохнулась.

Память ударила резко: последние недели — странная усталость, тошнота по утрам, о которой она молчала, думая, что это нервы; слишком острый слух; вспышки жара; ночи, когда тело будто жило по чужому лунному ритму. Она не замечала. Или не хотела замечать. Слишком была занята ожиданием этой проклятой ночи.

Её пальцы сильнее вжались в живот.

Ребёнок.

От Кайдена.

После всего.

После того, как он выбрал другую.

После того, как вышвырнул её из дома.

После того, как велел не возвращаться без зова.

У Леры вырвался звук — не то смех, не то всхлип.

Луна серебрила камни. Из окон далёкого зала донёсся гул голосов, и этот звук показался ей таким чужим, будто там праздновали жизнь другого мира. Не её.

Она подняла лицо к небу.

Слёзы снова потекли, но теперь в них было уже не только унижение. Был ужас. Было неверие. Было что-то тёмное и острое, похожее на начало новой судьбы.

— Что ты наделал... — прошептала она, не зная, говорит ли с ним, с собой или с той безжалостной луной, что всё это допустила.

Ответом ей стала тишина.

И второй пульс под ладонью.

Слабый.

Живой.

Неотменимый.

В ту ночь Лира поняла две вещи.

Она больше не принадлежала дому Кайдена.

И теперь никогда не будет принадлежать только себе.

Глава 2. Изгнанная

В ту ночь Лира почти не спала.

Даже когда слёзы иссякли, а тело перестало дрожать так, будто её всё ещё выворачивало наизнанку, сон не пришёл. Она сидела в старом саду до тех пор, пока камень под ней не выстыл окончательно, пока пальцы не онемели от холода, пока шум из Дома альфы не начал редеть и дробиться на отдельные голоса. Праздник заканчивался. За окнами гасли огни. Но у неё внутри ничего не стихало.

Под ладонью всё ещё чудился второй пульс.

Слишком слабый, чтобы в него поверить безоговорочно. Слишком явственный, чтобы списать на шок.

Лира не знала, чего в ней больше — ужаса или ярости.

Ребёнок.

Его ребёнок.

Слово не укладывалось в голове. Оно было слишком живым, слишком уязвимым, слишком опасным для этой ночи, для этого дома, для мира, в котором альфа публично отрёкся от своей истинной ради силы. Если новость дойдёт до старейшин, они не позволят ей просто уйти. Если дойдёт до Вэллины — тем более. А если Кайдэн узнает...

При мысли о нём в груди болезненно дёрнуло. Истинная связь, вместо того чтобы ослабнуть после случившегося, будто натянулась ещё туже. Теперь она не звала — жгла. От неё не хотелось бежать, её хотелось вырвать из себя вместе с сердцем. Но тело по-прежнему узнавало его. Проклятая волчица внутри всё ещё помнила запах, силу, прикосновение, тембр голоса, который несколько часов назад раздавил её перед всей стаей.

Лира резко убрала руку с живота и встала.

Она не останется здесь до рассвета.

Арден дал ей время до утра только потому, что был уверен: ей некуда идти и она не посмеет оспорить изгнание. Стая рассчитывала, что она тихо соберёт жалкие остатки достоинства, возьмёт пару сундуков и уедет туда, где никому не будет мозолить глаза. Или останется поблизости, чтобы всем было удобно наблюдать её окончательное падение.

Нет.

Лира слишком хорошо знала волков. Любое колебание будет расценено как слабость. Любая задержка — как разрешение вмешаться в её судьбу.

Она вскинула голову и вдохнула сырой ночной воздух. Мороз крепчал. Из леса тянуло снегом — тем самым глубоким северным холодом, который уже шёл вниз по склонам, обещая раннюю суровую зиму. Где-то вдалеке тявкнула лисица. За стенами дома заворочались воины на смене караула.

Сейчас.

Пока никто не успел приказать ей, как жить дальше.

Лира пошла к западному крылу, не оборачиваясь на Дом альфы. Ноги дрожали от усталости, но это уже не имело значения. В коридоры она вошла тихо, как воровка в чужой дом, хотя ещё несколько часов назад имела право проходить здесь где угодно. Каменные стены держали ночной холод; факелы в держателях догорали, коптя чёрным. Воздух пах воском, шерстью, дымом и остаточным запахом праздника, который вёлся в половицы. В дальнем зале кто-то негромко смеялся. Слишком легко. Слишком счастливо.

Лира стиснула зубы.

Не думать.

Она заберёт самое нужное и уйдёт.

Её комната находилась в боковом коридоре, под самой крышей. Не хозяйские покои — слишком скромные для той, кого никогда официально не признавали. Но и не комнаты прислуги. Кайденом однажды велел переселить её ближе к своим покоям. Тогда ей это казалось почти признанием. Теперь — издевательством.

Дверь оказалась приоткрыта.

Лири застыла.

Изнутри тянуло чужим запахом. Резким, сладковатым, приторно-хищным.

Вэллина.

Лири толкнула дверь.

Дочь Северного Хребта стояла у открытого сундука и перебирала её вещи кончиками пальцев с тем же выражением лица, с каким брезгливый человек трогает что-то подозрительное. За её спиной маячила молодая служанка, перепуганная и бледная.

Вэллина даже не вздрогнула. Только повернула голову и медленно улыбнулась.

— Я ждала, что ты придёшь раньше.

Лири закрыла дверь за собой.

— Уйди из моей комнаты.

— Была твоей, — мягко поправила Вэллина. — В этом доме всё меняется удивительно быстро.

Служанка опустила глаза в пол. От неё пахло страхом — густо, почти кисло. Лири поняла, что Вэллина привела её не просто так. Свидетели нужны тем, кто любит унижать красиво.

— Я не повторяю дважды, — сказала Лири.

Вэллина провела пальцем по сложенному плащу Лири, затем отпустила ткань.

— А зря. Сегодня вечером ты уже убедишься, что твои слова здесь мало что значат.

Она говорила тихо, без крика, и оттого каждое слово звучало ещё злее.

Лири почувствовала, как волчица внутри поднимает голову. Не испуганно — предупреждающе. В животе снова тянуло глухой болью, но она не позволила себе коснуться этой боли ладонью. Не при Вэллине.

— Ты пришла насладиться видом? — спросила Лири. — Или боишься, что я заберу с собой что-то, что ты уже считаешь своим?

Вэллина склонила голову набок.

— Я пришла посмотреть, есть ли у тебя хоть капля разума. Некоторые женщины после такого пытаются цепляться. Умоляют. Плачут. Устраивают сцены.

— Разочарована?

— Заинтригована, — призналась Вэллина и шагнула ближе. — Ты держишься лучше, чем я ожидала. Неужели всё ещё надеешься, что Кайденом передумает?

Имя, слетевшее с чужих губ, ударило неожиданно. Лири почувствовала, как в груди снова жжёт. Её реакция длилась долю секунды, но Вэллина заметила.

Конечно заметила.

— Значит, надеешься, — прошептала она почти ласково. — Напрасно. Мужчины вроде него не возвращаются к слабости, когда уже сделали ставку на власть.

Лири посмотрела на неё так, что служанка тихо ахнула и отступила к стене.

— Ты так уверенно говоришь о нём, будто уже спишь в его постели.

Улыбка Вэллины дрогнула на миг.

Вот и хорошо.

— Я говорю о том, как устроен мир, — ответила она. — Ты до сих пор, кажется, думала, что истинность важнее силы. Это и есть твоя ошибка.

— Нет, — сказала Лири. — Моя ошибка — в том, что я слишком поздно поняла, какие именно женщины тянутся к власти. Те, кто не умеют быть желанными без чужого титула.

Служанка сжалась ещё сильнее. Вэллина побледнела едва заметно, но тут же взяла себя в руки.

— Осторожнее, Лира. Ты уже не в том положении, чтобы кусаться.

— А ты уже в том, чтобы рыться в моих вещах?

Они стояли слишком близко. Воздух между ними натянулся, как перед дракой. Вэллина пахла дорогими маслами, вином и холодной решимостью. Запах Лир — сорванным напряжением, луной, снегом и всё ещё не угасшей связью с альфой, которую даже Вэллина, наверное, чувствовала и ненавидела за это.

Дочь Северного Хребта улыбнулась снова, но теперь улыбка стала тоньше. Опаснее.

— Я пришла предупредить тебя.

— Как великодушно.

— До рассвета ты должна быть далеко отсюда. И достаточно далеко, чтобы Кайдену не пришлось снова видеть твоё лицо.

Лира медленно скрестила руки на груди.

— Это он так сказал? Или ты уже начала говорить за него?

Вэллина не ответила сразу. И этого молчания Лире хватило.

Значит, нет.

Значит, Кайден ничего не велел, кроме того последнего удара: не возвращайся без зова.

Но Вэллина уже присваивала себе даже его молчание.

— Какая разница? — наконец произнесла она. — Ты ведь не настолько наивна, чтобы остаться.

— Нет, — сказала Лира. — Но я достаточно злопамятна, чтобы запомнить каждое слово этой ночи.

Она подошла к сундуку и спокойно начала складывать вещи. Не все. Только тёплый плащ, смену белья, дорожное платье, кинжал в ножнах, матерчатый свёрток с сухими травами, маленький мешочек с серебром. Всё остальное можно оставить. Чем меньше у неё будет груза, тем быстрее она уйдёт.

Вэллина наблюдала.

— И куда ты поедешь?

Лира не ответила.

Вопрос был слишком опасным. Даже невинное знание в мире стай быстро превращалось в повод для охоты.

— Тебе не пережить зиму одной, — продолжила Вэллина. — А если переживёшь, всё равно останешься никем. Без дома. Без имени. Без защиты.

— Защита, купленная унижением, не стоит ничего, — холодно ответила Лира.

— Это ты так говоришь сейчас. Посмотрим, что ты запоёшь, когда на тебя обратят внимание другие самцы. Отвергнутые женщины долго без покровителя не ходят. Особенно красивые.

Смысл был ясен. Не угроза даже — констатация волчьего порядка.

Лира захлопнула сундук.

— Теперь уйди.

Вэллина окинула её ещё одним пристальным взглядом. Будто пыталась понять, что именно не даёт Лире рассыпаться. Будто чувствовала, что в ней есть что-то ещё, какой-то скрытый нерв, о котором пока не знает никто.

Или почти никто.

Лира невольно напряглась, когда снова тянуло низ живота.

Нет. Не сейчас.

Вэллина, к счастью, смотрела ей в лицо, а не туда, где ладони Лир слишком сильно стискивали край плаща.

— Ты странно спокойна, — сказала она.

— Я учусь у лучших.

Вэллина тихо усмехнулась.

— Надеюсь, этот урок станет для тебя последним.

Она развернулась и направилась к двери. На пороге остановилась.

— Кстати, Лира... — Голос её стал почти бархатным. — Если ты вдруг надеялась, что он прибежит к тебе этой ночью, не жди. Кайден сейчас со старейшинами. Они обсуждают условия брачного союза.

Удар был рассчитан точно.

Лира не моргнула.

— Тогда тебе стоит поспешить обратно. Вдруг они подпишут твоё счастье без тебя.

Вэллина вышла, хлопнув дверью чуть сильнее, чем следовало. Служанка торопливо юркнула за ней.

Лира осталась одна.

И только теперь позволила себе выдохнуть.

Вся её выдержка осела тяжёлой слабостью в коленях. Она оперлась рукой о крышку сундука и прикрыла глаза. Кайден со старейшинами. Конечно. Он всегда был там, где власть требовала его лица и голоса. Даже в ту ночь, когда сломал её жизнь, он не дал себе ни минуты остаться наедине с последствиями. Ушёл обсуждать выгоду.

Но мысль об этом уже не резала так, как час назад.

Теперь внутри появилось что-то другое.

Холодное.

Чёткое.

Ребёнок.

Лира положила ладонь на живот, будто извиняясь за все предыдущие мысли, за каждый момент, когда хотела просто лечь на снег и не вставать. Не сейчас. Не теперь. Её жизнь больше не принадлежала только её боли.

Нужно уходить.

Она переоделась быстро — в тёплое дорожное платье из плотной шерсти, поверх накинула тёмный плащ с капюшоном, волосы заплела в тугую косу. Сняла с шеи тонкую цепочку, которую когда-то дал ей Кайден, и несколько секунд смотрела на серебряный клык, холодно блестящий на ладони.

Потом оставила его на столе.

Пусть это будет единственное, что она вернёт добровольно.

Когда Лира вышла из комнаты со свёртком и дорожной сумкой, Дом альфы уже погружался в глухую предутреннюю тишину. Только у главной лестницы горел огонь и слышались мужские голоса — низкие, обрывистые. Стража у входа. Через парадные двери идти нельзя.

Она свернула в хозяйственный коридор, где пахло зерном, копчёным мясом и мокрой шерстью шкур, приготовленных к зиме. Здесь было темнее, только редкие лампы качались под сквозняком. Лира шла быстро, стараясь не шуметь. Один поворот, второй, служебная лестница вниз, дверь в кладовую, за ней — узкий ход во внутренний двор.

Она почти дошла, когда из-за угла вынырнула Мара.

Лира вздрогнула и тут же выдохнула.

— Ты с ума сошла? — шёпотом выругалась Мара. — Я ищу тебя по всему дому.

— Не ищи. Я ухожу.

Мара схватила её за руку.

— Я вижу.

В тусклом свете лампы лицо двоюродной сестры выглядело измученным. Похоже, после праздника она тоже не спала. От неё пахло тревогой, снегом и дорогой — будто она уже успела сбегать куда-то за пределы дома.

Лира насторожилась.

— Что случилось?

Мара оглянулась через плечо и почти втащила её в тень кладовой.

— Слушай внимательно. Арден поставил людей у восточных ворот. Формально — чтобы ты не устроила скандал на прощание. На деле — чтобы знать, куда ты поедешь.

Лира почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод.

Значит, она была права.

— А Кайден?

Мара сжала губы.

— Не знаю. Он ничего не приказывал при мне. Но сейчас старейшины действуют быстро. Они боятся, что после сегодняшнего кто-то решит использовать тебя против него.

— Меня уже использовали против него, — глухо сказала Лира.

— Лира...

Мара осеклась. Её взгляд скользнул по лицу Лир, задержался чуть дольше, чем обычно.

— Ты плохо выглядишь.

— Отличное время сообщить мне об этом.

— Я серьёзно.

Лира отвернулась.

— Просто устала.

Мара не поверила. Но задавать вопросы не стала. Вместо этого сунула ей в ладонь маленький кожаный мешочек.

— Здесь деньги. Немного. И сушёное мясо. Я взяла лошадь из северной конюшни — ту серую, на которую редко смотрят. Она у старого перелаза за копильней. Не езжай через основную дорогу.

— Спасибо, — прошептала Лира.

Мара вдруг стиснула её пальцы так сильно, что стало больно.

— Куда ты?

Лира помолчала.

— На север.

Мара застыла.

— К ней?

Лира кивнула.

В глазах Мары мелькнуло что-то между страхом и облегчением.

— Все считают, что она умерла.

— Для стаи — может быть.

— Лира, эти земли не зря называют запретными.

— Знаю.

— Там старые границы, древние метки, волки Ровара и чужие твари с гор. И... — Мара запнулась. — И твоя тётка, если она действительно жива, давно не та, какой была.

— Тем лучше, — сказала Лира. — Я тоже.

Слова прозвучали твёрже, чем она себя чувствовала. Но выбора не было. Больше никто её не примет. Ни одна приличная стая не укроет отвергнутую истинную альфу без выгоды для себя. А в северных землях, за каменными хребтами и старым лесом, жила только одна женщина, которую Лира помнила смутно — по редким детским воспоминаниям, по чужим шёпоткам, по запретному имени, которое в доме предпочитали не произносить.

Тётка Иара.

Сестра её матери.

Женщина, которую в стае называли безумной, одержимой луной и опасной даже для своих. Когда Лира была ещё ребёнком, Иара исчезла в северных землях, и старейшины с облегчением объявили, что она сама себя изгнала. С тех пор о ней не говорили. А если и говорили, то как о дурной крови, которой лучше не касаться.

Но мать однажды, перед самой смертью, успела прошептать Лире: «Если останешься одна — иди к Иаре. Только к ней».

Тогда Лира не поняла, почему.

Теперь — может быть, поймёт.

Мара всё ещё не отпускала её руку.

— Я боюсь за тебя, — призналась она.

Лира заставила себя улыбнуться.

— Бояться за меня уже поздно.

— Не говори так.

— А как мне говорить? Что всё будет хорошо?

Мара дёрнулась, словно от пощёчины. Лира тут же пожалела о тоне, но слов не вернёшь.

Она мягче добавила:

— Прости. Я просто... не могу здесь дышать.

В глазах Мары блеснули слёзы, но она быстро моргнула.

— Тогда уходи. Сейчас. Пока тебя не заметили.

Она наклонилась и коротко обняла Лиру — крепко, быстро, почти по-братски, будто понимала: если задержится дольше, обе рассыплются.

— Не позволяй им сделать тебя добычей, — прошептала Мара ей в волосы.

Лира закрыла глаза на секунду.

— Не позволю.

Когда она вышла через задний двор, небо уже начинало светлеть по краю. Луна всё ещё висела над лесом, бледная и огромная, но ночь медленно отступала. Воздух обжигал лёгкие. Серая кобыла ждала там, где сказала Мара, — у покосившегося забора за коптильней, беспокойно перебирая копытами. Из ноздрей валил пар.

Лира затянула ремни сумки, погладила тёплую шею лошади и легко вскочила в седло. Мышцы тут же отозвались ломотой — слишком мало сна, слишком много боли за одну ночь. Низ живота снова неприятно сжался. Она замерла, пережидая приступ.

Только бы доехать.

Только бы успеть.

За спиной, за высокими стенами дома, будто что-то дрогнуло в связи. Кайдэн. Не мысль даже — ощущение. Резкое, тёмное, настороженное, словно зверь вдруг поднял голову, уловив исчезновение того, что считал уже потерянным.

Лира стиснула поводья.

Пусть почувствует.

Пусть хотя бы раз в жизни проснётся слишком поздно.

Она ударила пятками в бока кобылы, и та сорвалась с места.

Северная дорога оказалась хуже, чем она помнила.

Впрочем, Лира давно по ней не ездила. Последний раз — ещё девочкой, когда мать тайком возила её к старому озеру на границе земель. Тогда лес казался сказочным. Теперь — настороженным. Чёрные сосны тянулись вдоль тропы плотной стеной; под копытами хрустела подмороженная земля; иногда из глубины чащи доносились низкие, неразборчивые звуки, от которых волчица внутри настораживалась.

День был серым, холодным, почти без солнца. Снег пока не лёг, но воздух уже пах им. Лира ехала без остановок до полудня, потом ненадолго спешила у ручья, чтобы дать лошади

напиться и самой проглотить пару кусков жёсткого мяса. Есть не хотелось. Желудок сжимался от одного запаха еды. Воды она пила много, почти жадно.

Ближе к вечеру усталость начала давить на плечи тяжёлым камнем. Мышцы ныли, в пояснице тянуло, веки наливались свинцом. Но она упрямо продолжала путь. За каждым поворотом ей чудилось, что вот-вот покажутся всадники из Долины Туманов или люди Ровара. Что кто-то догонит. Вернёт. Или хуже — не вернёт, а просто возьмёт под стражу до выяснения, что делать с отвергнутой истинной альфы.

Никто не появлялся.

Только к вечеру она начала понимать: её и правда пока не преследуют. Возможно, стоя уверена, что север сам её добьёт. Возможно, Кайдэн не знает. Возможно, ему всё равно.

Последняя мысль оказалась настолько горькой, что Лира едва не остановила лошадь. Но вместо этого только сильнее запахла плащ.

Всё равно или нет — уже не важно.

Лес редел. На горизонте вставали тёмные хребты — северные, резкие, как рваные шрамы на коже земли. Когда солнце окончательно скрылось, тропа начала забираться выше, между камней и голых кустов, тронутых инеем. Ветер усилился. Он выл в расщелинах так, будто там плакали.

Лира знала, что до дома Иары осталось недалеко. Или до того места, где когда-то должен был быть её дом. Мать описывала его смутно: старая сторожевая башня на каменном выступе, заросшая диким плющом и мхом, рядом — чёрный ручей, который не замерзает даже зимой.

Когда впереди показалась тёмная вертикаль башни, Лира почувствовала странное смешение облегчения и страха.

Она добралась.

Или добралась до новой ошибки.

Башня действительно стояла на склоне, полуразрушенная, но всё ещё крепкая. В её окнах не горел свет. Чёрный ручей журчал у камней, тонко поблёскивая в сумерках. Вокруг росли кривые сосны, будто их годами ломал северный ветер. От самого места тянуло не только холодом. Там был другой запах — старой магии, влажного мха, трав, крови давних жертв и чего-то лунного, трудноуловимого, от чего волчица Лир не рычала, а замирала.

Лира спешила.

Ноги после долгой дороги едва держали. Она привязала лошадь к низкой сосне и несколько секунд стояла, глядя на чёрный проём двери. Сердце стучало глухо. Внутри всё напрялось.

Если Иара умерла — она одна.

Если Иара жива, но не впустит — она всё равно одна.

Лира поднялась по двум каменным ступеням и постучала.

Ничего.

Только ветер провёл сухими пальцами по стенам.

Она постучала снова. Сильнее.

Изнутри что-то зашуршало. Потом слышались шаги — медленные, шаркающие, но не слабые. Скорее осторожные. И запах стал гуще. Травы. Дым. Волчица. Очень старая. Очень сильная.

Дверь открылась.

Женщина на пороге была выше, чем Лира ожидала. Не старуха, хотя возраст уже тронул её лицо сеткой тонких жёстких линий. Волосы — седые почти полностью, но густые, собранные в узел. Глаза — удивительно светлые, серебристые, как лёд под луной. На плечах — тёмная шерстяная шаль, на пальцах — следы травяных соков и золы. В лице не было ни приветствия, ни удивления. Только пристальное, почти звериное узнавание.

Она долго смотрела на Лир молча.

Потом втянула воздух.

И выражение её лица изменилось.

Не смягчилось. Напряглось.

— Ты пришла слишком рано, — произнесла женщина хриловатым голосом.

Лира стояла неподвижно, не зная, что ответить.

— Тётя Иара?

— Значит, всё-таки помнишь.

— Мама велела, если останусь одна...

— Я знаю, что велела тебе мать.

Иара отступила на шаг и распахнула дверь шире.

— Заходи. Быстро.

Лира шагнула внутрь, и её тут же окутало тепло очага, запах сушёных трав, хвои, старого дерева и каких-то терпких настоев. Башня внутри оказалась гораздо уютнее, чем снаружи: низкие балки, полки с банками и мешочками, стол у окна, тёмные шкуры на полу, железная печь, широкая кровать за занавесью. Всё было просто, но не бедно. И в каждом углу ощущалась жизнь.

Иара закрыла дверь, заложила засов и только тогда обернулась.

— Снимай плащ.

Лира послушалась. Тётка подошла ближе. Слишком близко. Втянула воздух у её шеи, у виска, у живота. Лира инстинктивно отступила, но Иара уже нахмурилась.

— Он отверг тебя.

Не вопрос. Утверждение.

— Да.

— Публично.

— Да.

Серебряные глаза Иары вспыхнули так, будто в них отразился другой, более яркий огонь.

— Глупец.

Лира вздрогнула.

Это было первое слово о Кайдене, сказанное вслух с тех пор, как она покинула Дом альфы. И почему-то именно оно — не “жестокый”, не “подлец”, а “глупец” — задело глубже, чем следовало.

Иара вдруг положила ладонь ей на живот.

Лира резко втянула воздух и схватила её за запястье, но тётка даже не моргнула.

— Тихо, девочка.

Мир словно на миг застыл.

Пальцы Иары были горячими. Слишком горячими. От них по телу Лиры прошла волна странной дрожи, не боли — узнавания. Волчица внутри не протестовала. Наоборот, замерла и прислушалась.

Иара закрыла глаза.

Потом медленно открыла их снова.

— Так и думала, — сказала она. — Луна всё-таки не оставила вас пустыми.

У Лиры пересохло во рту.

— Значит... это правда?

Иара убрала руку.

— Правда.

Слово прозвучало спокойно, почти буднично. Но для Лиры оно стало ударом сильнее любого прежнего.

Она отшатнулась, села на ближайшую лавку, не почувствовав её под собой.

Правда.

Не ошибка. Не бред истерзанного тела. Не отголосок связи.

Правда.

Ребёнок.

Иара тем временем уже снимала с полки глиняную кружку, сыпала в неё травы, наливала кипяток из котла. Двигалась без суеты, но быстро. Как человек, привыкший сначала делать, а уже потом обсуждать.

— Пей, — приказала она, ставя кружку перед Лирой. — Тебя всю трясёт.

Ли́ра послушно взяла кружку обеими руками. Горячий пар ударил в лицо запахом мяты, полыни и чего-то горького, тёплого, почти смолистого. Сделав глоток, она зажмурилась. По телу сразу пошло мягкое тепло.

— Ты знала, что я приду? — спросила она хрипло.

Иара усмехнулась краем губ.

— Я знала, что когда-нибудь за моей дверью окажется дочь Мирель с глазами, полными чужой вины.

Ли́ра подняла взгляд.

— Моей матери?

— Чьей же ещё. — Иара села напротив. — Ты стала очень на неё похожа. Особенно сейчас, когда тебе больно.

От этих слов что-то внутри Ли́ры болезненно сжалось.

— Почему вы ушли? — спросила она. — Почему вас все называли безумной?

Иара помолчала. Не потому, что не хотела отвечать. Скорее, будто решала, с какого конца лучше надрезать старую рану.

— Потому что я говорила вещи, которые альфам было невыгодно слышать, — наконец произнесла она. — Потому что твоя мать слишком долго пыталась выжить по их правилам, а я — нет. Потому что у нашего рода была кровь, которую они боялись и хотели держать под контролем. А когда это не вышло — называли нас опасными.

Ли́ра медленно опустила кружку.

— Какую кровь?

Иара смотрела на неё долго. Потом поднялась, подошла к старому сундуку у стены и вынула из него свёрток, завернутый в тёмную ткань. Развернула на столе.

Внутри лежал тонкий серебряный обруч, потемневший от времени, но всё ещё красивый — с резьбой в виде луны и переплетающихся ветвей. По внутренней стороне шли крошечные символы.

— Это принадлежало твоей бабке, — сказала Иара. — И её матери до неё.

Ли́ра протянула руку, но не коснулась.

От обруча тянуло тем же странным чувством, что и от самой башни: древней силой, которая не рычала, а смотрела.

— Кто мы? — тихо спросила она.

Иара обернулась к окну. За стеклом чернели сосны и набиралась ночь. Серебро луны тонко стекало по рамам.

— Вы забыты слишком хорошо, чтобы о вас знали все, — ответила она. — Но не настолько, чтобы луна перестала помнить. Наш род — от Лунной линии. От волчиц, которых когда-то не брали в стаи как украшение или награду для альф. Они сами вели, сами выбирали, сами чувствовали лунный закон иначе. Не через власть самца. Через связь. Через кровь. Через право.

Ли́ра не сразу поняла смысл слов. А когда поняла — похолодела.

— Это невозможно.

— Для нынешних стай — да, — спокойно сказала Иара. — Потому они и старались уничтожить всё, что напоминало о старом порядке. Альфы любят говорить, что всегда были единственными, кто держит закон. Это ложь. Когда-то всё было иначе.

— И моя мать...

— Твоя мать унаследовала часть крови. Я — больше. Ты... — Иара взглянула на неё так остро, что Лира невольно выпрямилась. — Ты сильнее нас обеих.

В башне стало очень тихо. Даже треск дров в печи на мгновение отступил.

— Откуда вы знаете?

Иара подошла снова и опустила ладонь на стол рядом с серебряным обручем.

— Я чувствую. Иначе ты бы не выжила после такого разрыва. Обычную волчицу после публичного отвержения истинной связи лихорадило бы неделями. Некоторые сходят с ума. Некоторые умирают. Ты же добралась сюда через северный перевал и до сих пор сидишь прямо.

Лира медленно вдохнула.

Это объясняло не всё, но многое. Почему её сны с детства были слишком яркими, почти вещими. Почему иногда она чувствовала чужое настроение раньше слов. Почему рядом с полной луной мир всегда становился острее, громче, ближе к коже. Почему мать так боялась старейшин и так упорно учила её скрывать любую странность.

— Значит, Кайдэн знал? — спросила Лира, сама не ожидая, что этот вопрос выйдет первым.

Иара не ответила сразу.

— Полностью — нет, — сказала она наконец. — Но, возможно, догадывался, что ты не так проста, как кажешься.

Лира опустила взгляд.

Её это не утешило. Если он хоть что-то подозревал и всё равно бросил её под ноги стае, значит, был ещё хуже, чем она думала.

— Альфы всегда чувствуют силу, которую не могут назвать, — продолжила Иара. — И часто пугаются её сильнее, чем явной угрозы.

— Он не выглядел испуганным.

— Такие, как он, редко выглядят.

Лира горько усмехнулась.

— Сегодня он выглядел очень уверенным.

— Конечно. Мужчины, которые выбирают выгоду вместо луны, обычно надеются, что расплата придёт не сразу.

Лира подняла глаза.

— Расплата?

Иара медленно провела пальцем по серебряному обручу.

— Отвергнуть истинную — уже опасно. Отвергнуть истинную из Лунной линии... — Она чуть заметно качнула головой. — Это не просто ошибка. Это рана, нанесённая самому закону. Мир не любит таких вещей.

Тепло от отвара вдруг показалось Лире слишком слабым. Она почувствовала озноб.

— Вы говорите так, будто всё это куда больше, чем просто мой позор.

— Так и есть, — жёстко сказала Иара. — Ты думаешь только о своей боли. Это естественно. Но твоя боль — лишь первый круг. За ним идут другие.

Лира молчала.

Она не хотела слушать о кругах. Не хотела думать ни о стаях, ни о древних законах, ни о расплате мира. Она хотела только одного — чтобы хотя бы на несколько минут перестало болеть всё сразу.

Но ребёнок внутри уже делал это невозможным.

Иара как будто прочитала её усталость.

— Сегодня ты спишь, — сказала она уже тише. — Завтра будем говорить дальше.
— Нет, — выдохнула Лира. — Скажите сейчас.

Иара внимательно посмотрела на неё. Видимо, увидела что-то в её лице, потому что не стала спорить.

Она придвинула к столу второй стул, села напротив и сложила руки.

— Хорошо. Слушай внимательно. Если бы ты была просто отвергнутой любовницей альфы, я бы велела тебе спрятаться, переждать зиму и решить потом, что делать. Если бы ты была просто истинной, я бы сказала то же. Но ты не просто истинная.

Лира почувствовала, как пальцы сами собой сжимают край кружки.

— Твой ребёнок, — продолжила Иара, — не просто наследник альфы. Не просто кровь Кайдена и твоя. Он зачат в разрыве — на границе признанной и отвергнутой связи. В момент, когда луна не отпустила то, от чего мужчина отрёкся.

Серебряные глаза тётки блеснули.

— Такие дети не рождаются случайно.

Лира замерла.

— Что это значит?

Иара чуть наклонилась вперёд.

— Это значит, девочка, что если он выживет... — Она сделала короткую паузу, и даже воздух, казалось, сгустился между ними. — Он сможет изменить саму иерархию стай.

Лира перестала дышать.

За окном ветер ударил в стену башни, будто подтверждая сказанное. Луна поднялась выше, и её свет лёг на стол, на серебряный обруч, на лицо Иары — жёсткое, древнее, почти нечеловечески спокойное.

А под ладонью Лир, прижатой к животу, снова — тихо, едва уловимо — отозвался второй пульс.

Глава 3. Новая Луна, новые правила

Второй пульс под ладонью не исчез.

Лира сидела так долго, что горячий отвар в кружке успел остыть, а дрова в печи — осесть красным, дышащим жаром. Слова Иары всё ещё звенели в воздухе, будто были не звуком, а меткой, поставленной прямо на кости.

Он сможет изменить саму иерархию стай.

Лира смотрела в темноту за оконцем, где на чёрном стекле дрожало отражение огня, и не могла заставить себя подняться. Её жизнь и без того раскололась надвое в ту ночь, но теперь под обломками обнаружилось не пустое место, а нечто ещё страшнее. Не просто ребёнок. Не просто кровь Кайдена в её теле. Угроза порядку, на котором держались стай.

Или надежда.

От этой мысли становилось ещё холоднее.

Иара подвинула к ней маленькую миску с тушёными кореньями и мясом.

— Ешь.

Лира покачала головой.

— Не хочу.

— Мне неинтересно, чего ты хочешь. Мне важно, чтобы ты не свалилась лицом в пол до утра.

Лира едва заметно поморщилась. Она не привыкла, чтобы о ней заботились так — без нежности, без долгих слов, почти грубо. Но в этой грубости не было унижения. Только необходимость. И от этого становилось чуть легче дышать.

Она заставила себя взять ложку.

Первые несколько глотков еда вставала в горле комом, но потом тело будто вспомнило, что живо, и потянулось к теплу, к соли, к простому вкусу. Пока Лира ела, Иара не задавала вопросов. Только подбрасывала дрова в печь и время от времени бросала на неё короткие, цепкие взгляды.

Наконец Лира отложила ложку.

— Если всё так, как вы говорите... — голос сорвался, и ей пришлось начать снова. — Если мой ребёнок действительно опасен для порядка стай, то они будут искать меня.

— Да.

— И Кайден тоже.

Иара поправила шаль на плечах.

— Ещё не знаю.

— Он альфа. Конечно, будет.

— Ты всё ещё думаешь о нём как о мужчине, который побежит за тобой по сердцу, — спокойно сказала Иара. — А надо начинать думать о нём как о мужчине, который может прийти за тем, что сочтёт своим.

Лира стиснула пальцы на краю стола.

— Он от меня отказался.

— Отказался — не значит отпустил.

От этих слов в груди что-то болезненно дёрнулось. Истинная связь отозвалась тупым жаром, будто слышала голос, которого здесь не было. Лира резко прижала ладонь к рёбрам.

Иара заметила.

— Уже тянет?

Лира медленно кивнула.

— Как будто... — она поискала слово и не нашла точного. — Как будто где-то под кожей натянута жила. Рвётся. Но не рвётся до конца.

Иара опустилась на стул напротив.

— Так и есть. Он ранил связь, но не уничтожил её. Для обычной пары этого бы хватило, чтобы сделать вас врагами до конца жизни или свести с ума обоих. Но ты не обычная. И он...
— Она помолчала. — Возможно, тоже уже это чувствует.

Лира закрыла глаза на мгновение.

Кайден.

Даже здесь, в северной башне, за горами и лесами, его имя оставалось не словом, а вкусом — горьким, дымным, обжигающим. Стоило подумать о нём, как память тут же подсовывала слишком многое: тяжесть его ладони на затылке, горячее дыхание в темноте, голос, становившийся тише перед самым опасным, и ту безжалостную ледяную отчуждённость, с которой он сказал: *Ты была ошибкой, которую я слишком долго терпел.*

Лира резко открыла глаза.

— Я не хочу чувствовать его.

— Это пройдёт не скоро.

— Тогда я хочу, чтобы прошло быстрее.

Иара невесело усмехнулась.

— Луна не любит, когда ей указывают, как быстро должна заживать её собственная рана.

В башне повисла тишина. Снаружи усилился ветер; он шёл по камням, как чьи-то осторожные шаги. Лира невольно прислушалась.

— Здесь нас не найдут? — спросила она.

— Не сразу.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет. — Иара встала. — Север видит тех, кто приходит с охотой. И иногда помогает тем, кто умеет ждать. Но я не стану лгать тебе, девочка. Если за тобой пойдут всерьёз, отсидеться не выйдет.

Лира тоже поднялась. Ноги налились тяжёлой усталостью.

— Значит, надо быть готовыми.

— Значит, тебе надо выжить эту ночь. Всё остальное — завтра.

Иара отвела занавесь за печью. За ней оказалась узкая кровать, накрытая тяжёлым тёплым одеялом.

— Ложись.

— А вы?

— Я давно не сплю глубоко. Не твоё дело.

Лира хотела возразить, но сил на спор не осталось. Она сняла сапоги, медленно легла и только теперь поняла, насколько вымотана. Тело ныло после дороги, в висках стучало, низ живота всё ещё тянуло тупой осторожной болью, словно напоминая о новой жизни внутри. Но хуже всего было не это.

Хуже всего было то, что даже здесь связь с Кайденом не умолкала.

Она была слабее, чем ночью у Дома альфы, но не исчезла. Где-то в глубине тела подрагивало тёмное, рваное ощущение — будто далеко-далеко по камням ходит огромный зверь и каждая его поступь отдаётся эхом в её костях.

Лира повернулась на бок и натянула одеяло выше.

— Иара, — позвала она тихо, уже почти сквозь сон.

— Что?

— Если он почувствует ребёнка...

Тётка долго молчала. Настолько долго, что Лира решила — не ответит.

Но Иара всё же произнесла:

— Тогда он больше не сможет убеждать себя, что потерял только женщину.

Лира сжала веки.

Сон пришёл резко, как падение.

Она шла по залу Дома альфы босиком.

Камень под ногами был мокрым. Сначала Лира думала — от растаявшего снега, но потом увидела, как по светлому полу растекается тёмное, густое, блестящее в лунном свете.

Кровь.

Её было так много, что она заполняла узоры между плитами, стекала со ступеней помоста, блестела на ножках длинных столов. Факелы не горели. Вместо них весь зал освещала одна только луна — огромная, слишком близкая, будто крыша исчезла, а небо спустилось внутрь дома.

Было тихо.

Ни голосов. Ни музыки. Ни шёпота стаи.

Только тяжёлое дыхание зверя.

Лира обернулась.

На помосте стоял волк.

Чёрный, как разлитая ночь, с глазами цвета расплавленного серебра. Не зверь, а живая тень силы. Он смотрел на неё так, как смотрит не животное — мужчина, который слишком долго молчал и уже не знает, можно ли ещё говорить словами.

Кайден.

Не сам Кайден — его волк. Голый инстинкт, боль, ярость, голод и право на то, что он считает своим.

Лира хотела отступить, но ноги будто приросли к залитому кровью полу.

Волк медленно спустился с помоста.

Каждая его поступь отдавалась в ней ударом сердца. Или не её сердца. Другого. Того, что билось рядом с её собственным. Внутри. Под ладонью. Как будто даже во сне ребёнок слышал этого зверя.

— Нет, — прошептала Лира.

Волк остановился прямо перед ней. В его глазах было не только хищное. Была мука. Безумная, живая, почти человеческая. Он ткнулся лбом ей в живот, и Лира вздрогнула всем телом.

Тут же зал пошёл рябью.

Кровь на полу задвигалась, будто её потянуло невидимой силой. Стены дрогнули. Лунный свет раскололся на полосы.

И Лира проснулась.

Она села слишком резко и тут же прижала ладонь ко рту, сдерживая вскрик. Башня была тёмной, только угли в печи едва дышали красным. За окном занимался глухой рассвет — не светлый, северный, а серый, тяжёлый, точно выжатый из снега и камня.

Сердце колотилось так сильно, что перед глазами всё плыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.